

Polylogos. 2013-2020

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 3 Volume 2. 2018

The concept of metanarrative in Jean-François Lyotard's philosophy: crisis of enlightenment and postmodern alternative

B. Podoroga

*Institute of Philosophy of RAS
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The purpose of present article is to present the concept of metanarrative reconstruction in Jean-François Lyotard's philosophical-historical and social-political thought. In first part the context of research and its method are determined. Its actual meaning, common scientific semantics, lexical sense, «narrative turn» are the main aspects in humanities of XXth century's last third. Metanarrative's genesis is disclosed in postmodern critical perspective, in frame of which it stops to be considered as an objective development expression and appears as domination discourse having heroic epic form. The 2nd part of article is devoted to concrete cases metanarrative's delegitimation, deploying in mentioned critical perspective. Author explains that the knowledge legitimation function, central for metanarratives, appears to be insolvent, because of its inherent linguistic pragmatic. This is consistently illustrated on examples of archaic narrative, classical scientific discourse and two basic for european ratio metanarratives – the emancipation narrative of French revolution and speculative-dialectical narrative of German classical philosophy. In the 3rd part postmodern knowledge legitimation opposed by Lyotard to resultative legitimation and Habermas's communicative consensus theory is described. The author demonstrates that Lyotard's postmodern knowledge legitimation, expressed in paralogy searching, performativity and small narratives politics, is emancipation narrative, revised in French ontology of difference context.

Keywords list (en): metanarrative, legitimation, delegitimation, knowledge, pragmatic, post-modernity, liberation, performativity

Date of publication: 08.11.2018

Citation link:

Podoroga B. The concept of metanarrative in Jean-François Lyotard's philosophy: crisis of enlightenment and postmodern alternative // Polylogos. 2018. V. 2. № 3 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000056-3-1/> (circulation date: 15.07.2020). DOI: 10.18254/S0000056-3-1

1 I

Сегодня значение понятия нарратива может показаться очевидным. На данный момент, когда Интернет охватывает весь мир, а число пользователей соцсетей перевалило за миллиард, не приходится говорить о сфере производства, так или иначе не связанной с информационным обменом, который в определенной перспективе предстает как непрерывная циркуляция рассказов. Очевидно, что, когда говорят о том, что могло бы считаться реальностью – событием или вещью – имплицитно или эксплицитно отсылают к порождающему ее нарративу.

2 Множество дисциплин (культурологии, этнографии, историографии или антропологии) сходятся в том, что нарратив или рассказ является для человека одним из ключевых конструктивно-познавательных средств. Слово «нарратив» происходит от латинского глагола *narrare*, т.е. «говорить» или «рассказывать», а он в свою очередь восходит к существительному «*gnarus*», т.е. «знающий» или «понимающий». Нарратив не может быть понят в качестве оторванной от реальности фикции: акт наделения мира смыслом есть акт его нарративной проработки *par excellence*. Таким образом нарративы понимаются в качестве базовых структурных рамок для самых разнообразных видов человеческих отношений – социальных, политических, экономических, религиозных, культурных, межгосударственных и многих других.

3 Понятие нарратива не может быть понято в отрыве от так называемого «нарративного поворота». Это словосочетание впервые употребил американский исследователь Мартин Крейсвирт в статье «*Trusting the Tale: Narrativist Turn in the Human Sciences*» (1992), посредством которого он ретроспективно обозначил тенденцию гуманитарных наук, проявившую себя главным образом (но и не только) в конце 70-х и начале 80-х годов, в рамках которой нарратив выступает одновременно в качестве предмета анализа (разновидности письменного или устного дискурса) и в качестве теоретической оптики (нарративистское прочтение философских теорий). Ключевые имена для него – это З. Фрейд, П. Рикер, Ж.Ф. Лиотар, А. Макинтайр, Ф. Джеймисон¹.

4 В культуре XX века следует выделить четыре подхода к исследованию нарративов:

5 1. Структурно-лингвистический и нарратологический подходы, в рамках которых нарратив изучается преимущественно как повествовательный жанр, примерами которого являются романы, повести, новеллы, историографии, волшебные сказки, легенды и т.д. Эти подходы представлены самым широким пластом исследователей: от французских лингвистов и семиотиков до представителей аналитической философии истории (А.Ж. Греймас, Э. Бенвенист, Ц. Тодоров, Р. Барт, Ж. Женнет, А. Данто, Х. Уайт, Р.Ф. Анкерсмит др.).

6 2. Герменевтический и этический подходы. Их представляют П. Рикер, А. Макинтайр и У. Фишер. Так, Рикер размышляет над ролью нарратива в интерпретации литературы в связи с обоснованием Я-идентичности и жизненного опыта, Макинтайр и Фишер обсуждают нарративы в качестве форм осмысления добродетелей и благ.

7 3. Психоаналитический подход. Нельзя конечно не упомянуть З. Фрейда, который, вероятно, одним из первых ввел нарратив в научную практику, начав использовать его в качестве терапевтического метода.

8 4. И, наконец, подход социокритический и политический. Здесь сразу вспоминаются имена неомарксистов – Т. Адорно, Д. Лукач и Ф. Джеймисон, которые рассматривали нарративы в качестве средств обоснования господствующей классовой (буржуазной) субъективности.

9 Отметим, что выделение этих четырех подходов в известной степени условно: каждый из них содержит в себе черты других. Однако оно отражает определенные методологические тенденции в исследовании нарративов.

10 В этой точке мы переходим к понятию метанарратива Ж.Ф. Лиотара, заявленному в заглавии настоящей статьи. Лиотар тяготеет к четвертому подходу, концептуализируя метанарратив в критической оптике под названием «состояние постмодерна», являющейся тематически обогащенным аналогом «времени после Освенцима» Т. Адорно. Состояние постмодерна – это ситуация, связанная с шоком от Холокоста, переходом к технократическому обществу, дисперсионистскому искусству (сюрреализм, дадаизм, поп-арт и т.д.). Но ее главная концептуальная направленность определяется «недоверием к метанарративам»². Метанарративы – это «органические» парадигмы развития человечества, восходящие к общеевропейской логике прогресса, среди которых «освобождению разума и нации» Канта и французской политики XVIII-XIX веков, коммунистический нарратив об «эмансипация трудящихся», печально известный «нацистский миф» и другие. В условиях постмодернистского состояния они оказались скомпрометированными; на момент написания работы «Состояние постмодерна» Лиотар полагал, что на смену метанарративам придут микронарративы, что обозначит переход к новому «параязыческому» периоду существования европейского *ratio*.

11 Почему же метанарративы оказались скомпрометированными? Потому что во второй половине XX века, по Лиотару, обнаружилось, что они представляют собой дискурсы господства. Холокост, ГУЛАГ, несколько тяжелых экономических кризисов показали, что метанарративы более не могут рассматриваться в качестве объективных форм прогресса человечества – они оказываются *идеологиями*, направленными на обоснование господства той или иной политической субъективности (народа, класса, сословия, капитала и т.д.)³. Метанарратив имеет форму героического мифа, эпического повествования, имеющего начало, середину и конец, которое, однако в отличие от мифологического эпоса, обладает абсолютной инклюзивностью, будучи повествованием универсальным, определяющим судьбу всего человечества. Как и миф, он является комплексным *типическим* образом, который задает обществу необходимые этические, эстетические, культурные и технологические критерии, позволяющие его структурировать, исходя из особенностей доминирующего субъекта. Лиотар исследует метанарратив не только в качестве повествования, но в его преломлении в конкретных видах человеческой жизнедеятельности – науке, символических практиках, стилях мышления, законодательства и искусства.

12 В настоящей статье мы, опираясь на работы Лиотара «Состояние постмодерна» (1979), Распря (1983) и «Постмодерн в изложении для детей» (1986) рассмотрим четыре кейса: миф, научный дискурс, кантовский нарратив о просвещении разума и спекулятивный нарратив немецкого идеализма, формирующий дискурс высшего образования в Германии в XIX и начале XX веках.

13 II

14 Итак, главная тема упомянутых выше работ Лиотара – делегитимация метанарративов. Чтобы понять, что такое делегитимация, необходимо вначале понять, что собой представляет процедура легитимации. Лиотар здесь опирается на идеи немецких теоретиков (М. Вебер, Ю. Хабермас и др.). По Веберу, легитимация – это процедура, в

соответствии с которой действие или высказывание может быть признано (допущено к осуществлению) в рамках той или иной социальной системы. Лиотар сосредотачивается на обсуждении легитимации знания и науки. Вот, что он пишет: «В этой перспективе право решать “что верно, а что нет” не может не зависеть от права решать “что справедливо, а что нет”, даже если высказывания, подчиненные соответственно той и другой власти, имеют различную природу. Существует родство одного рода языка, который называется наукой, с другим, называемым этикой и политикой»⁴. Итак, в рамках общественной системы язык политики легитимирует язык знания второй легитимирует и таким образом институализирует его в долгосрочной перспективе, опираясь при этом на определенную нарративную (дискурсивную) практику.

15 Эта процедура легитимации ожидаемо связана с описываемой Лиотаром прагматической структурой языка. Для Лиотара важно не его семантическое измерение (их фиксированное значение) вербальных символов, а то их контекстуально-ситуативное значение. И в этом плане, Лиотар описывает язык в качестве совокупности отдельных, не сводимых друг к другу высказываний (фраз), обладающих внутренней коммуникативной структурой⁵. По Лиотару, любое высказывание предполагает наличие трех коммуникативных инстанций: отправителя (субъекта), референта (предмета) и получателя (адресата). В силу самого их наличия, каждое высказывание предполагает определенные правила собственной реализации, которые определяются его типом – речь может идти о вопросительных, прескриптивных, деонтических, денотативных, дескриптивных, вопросительных, дейктических и многих других высказываниях. Подобного рода правила являются внутренне присущими (имманентными) самим этим высказываниям.

16 Итак, Лиотар различает между архаическим нарративом (мифом), классическим научным дискурсом и метанарративом. Все эти виды нарративных практик представляют собой различные типы легитимации. Поясним. То, с какой разновидностью нарратива мы имеем дело, определяется тем, какая из упомянутых коммуникативных инстанций (отправитель, референт, получатель) является в рамках того или иного высказывания главенствующей. Так, в случае с первобытным нарративом ни одна из упомянутых инстанций не является таковой: для него характерно господство самого нарратива, осуществляющееся посредством передачи неизменного семейства имен. Классический научный дискурс определяется доминированием референта, метанарратив – господством отправителя⁶. Причем Лиотар, помимо тех разновидностей последнего, о которых мы упомянули выше, выделяет две из них, являющиеся национальными мифами – французский политический нарратив и немецкий эпистемологически-спекулятивный нарратив.

17 Рассмотрим теперь последовательно упомянутые виды нарративной легитимации знания, критикуемые Лиотаром.

18 1. Начнем с мифа. Как правило, первобытный нарратив рассматривают в качестве наивного историзма, свойственного древним народам, еще не умевшим анализировать свидетельства и документы. Однако подобное представление о мифе определяется доминирующей позицией субъекта, владеющего универсальным прогрессистским смыслом истории, которая является определяющей для метанарратива, а не для архаического рассказа. Последний является формой социальной идентификации древних сообществ, в условиях которой ни одна из коммуникативных инстанций не имеет самостоятельного значения: каждая из них лишь обслуживает нарратив, совпадающий с самой жизнью конкретного первобытного общества.

19 Лиотар показывает, что знание в первобытном обществе имеет нарративный характер *par excellence*. Приведем цитату: «Под термином “знание” понимается не только совокупность

денотативных высказываний (хотя, конечно и она); сюда примешивается и представления о самых разнообразных умениях: делать, жить, слушать и т.п. Речь, следовательно, идет о компетенции, которая выходит за рамки определения и применения истины как единственного критерия, но помимо этого оценивается по критериям деловым (техническая квалификация), справедливости и/или добра (нравственность), красоты звучания, окраски (аудио и визуальная чувствительность) и т.д.»⁷. Лиотар здесь акцентирует внимание на том, что уже замечали такие исследователи нарративов, как В. Пропп и Ж. Женнет: рассказ (его сюжет, поведение его героев, характер испытаний, которые они проходят) представляет собой «компактную» форму «народной мудрости», которая описывает разнообразные важные для сообщества навыки и качества, предлагает способы их оценки с точки зрения нравственности и практической пользы.

20 В рамках обсуждения прагматики нарративного знания Лиотара больше всего интересует порядок самого нарративного акта, которую он разбирает на примере индейского племени Кашинагуа, ссылаясь на исследования французского антрополога, Марселя де Ана. Де Ан указал на регламентируемую ритуалом взаимозаменяемость коммуникативных инстанций кашинагуанских нарративов. Конкретный член племени Кашинагуа может занять пост рассказчика (отправителя), поскольку до этого он занимал посты слушателя (получателя) и героя (референта), что обусловлено существованием строго конечного числа имен, передача которых определяет нарративный ритуал. Каждый рассказ Кашинагуа начинается так: «Вот история о ... издавна я слышал ее», а заканчивается так: «На этом кончается история о...», далее идет имя героя, «Рассказал вам ее...» и далее идет имя рассказчика, данное ему Кашинагуа и испанское имя для белых»⁸. В этом плане вписывание историй в систему кашинагуанских имен оказывается структурным аспектом акта наррации, делающий его источником *панхронии*, где время действия (время диегезы) и время самой наррации оказываются одним и тем же временем⁹. Эта передача имен позволяет мифу сохранить свою неизменность, а сообществу – нетронутой свою идентичность, которая оказывается защищенной от вторжения внешних событий, ибо каждое из них входит в миф, всегда будучи уже поименованным, т.е. лишенным своей событийности. Таким образом акт наррации оказывается выражением «вечного и вневременного» символического универсума архаического сообщества.

21 По Лиотару, архаический нарратив – это пример *неисторической* повествовательности, которая только и способна воспроизводить первобытный социум. Об этом свидетельствует то, что в нарративе центральную роль играет не столько эпический, сколько просодический (метрический) элемент, который делает формой забвения (а не формой памяти): «По мере того, как метр одерживает верх над ударением во всех звуковых, речевых или неречевых, обстоятельствах, темп перестает быть подпоркой запоминания и превращается в древнее отбивание ударов, которое за отсутствием заметной разницы между периодами не позволяет их просчитывать и заставляет забыть о них»¹⁰. Лиотар подчеркивает, что практика рассказывания мифа в племени Кашинагуа такова, что в ней акцент делается не на ударение – эмфатическое выделение смысловых моментов, а на метр – ритмический аспект истории, как в и игре на бубнах или барабанах, благодаря чему миф никогда не становится воспоминанием о прошлом, а всегда остается актуально проживаемым действием. По Лиотару, миф скорее фигуративен, чем дискурсивен, оказываясь ближе к пению и танцу, нежели к тому, что мы привыкли понимать под словом история, выстраивая себя в качестве последовательности ритмических телесных и фонетических повторений, что особенно ярко, с точки зрения Лиотара, проявляется в обряде инициации.

22 С точки зрения современного знания мифологический дискурс – абсолютно нелегитимен, но, с точки зрения Лиотара, она оказывается способной удержать единичность,

наделяя ее именем и пространственным значением.

23 2. Что представляет классический научный дискурс? Лиотар относит его к периоду XVI-XVII веков, связывая его с именами Декарта и Галилея. Этот дискурс определяется господством референта – предмета высказывания. Референциальные высказывания – это высказывания денотативные (констатирующие). Проще говоря, язык науки, отражающий реальность, определяющийся критерием различения истинного (соответствие реальности) и ложного (несоответствие реальности). В указанный период времени, по Лиотару, считалось, что истина уже сама заключается в себе факт собственной легитимации, будучи фактом прогресса.

24 Как функционирует денотативное высказывание? По определению Лиотара, денотативное высказывание – это такое высказывание, при котором референт выражается «в форме того, чем он является»¹¹. Лиотар разбирает его логику на примере высказывания Коперника: «планеты имеют круговую траекторию». Последнее, по Лиотару, определяется сочетанием риторики юридического и метафизического типа: когда отправитель называет упомянутое высказывание истинным, то он соотносит его не с объектом (планеты с круговыми траекториями), но с аргументом в пользу того что последний является именно таким, а не иным, и это аргумент должен быть логически непротиворечивым: «не я могу доказать, потому что действительность такова, как я сказал, но поскольку я могу это доказать, то можно считать, что действительность такова, как я сказал»¹². Отправитель избегает субъективизации этого аргумента за счет его соотнесения с метафизическими представлениями о том, что невозможно привести множество противоречивых или необоснованных доказательств, или о том, что Бог – не обманщик (Декарт). В том случае, когда оба этих риторических условия выполнены и приняты, то указанное денотативное высказывание становится на время предметом консенсуса среди ученых.

25 Научный дискурс – это жанр дискуссионный по преимуществу, о чем свидетельствует уже приведенная логика обоснования денотативного высказывания. В науке нет высказываний или компетенций, которые не могут быть поставлены под сомнение. Консенсус по поводу то, что считать истинным всегда находится в условиях непрерывного пересмотра. В этом – условие самого воспроизводства научного дискурса. Денотативное высказывание, по словам Лиотара, «всегда находится в опасности “фальсификации”»¹³.

26 Именно поэтому, с точки зрения Лиотара, для науки столь важно образование: это единственный способ воспроизведения партнеров по дискуссии и носителей соответствующих компетенций, которое осуществляется в два шага: сообщение знанию незнающему и подготовка специалиста ученого, исследователя – равного партнера по дискуссии, потенциального самостоятельного отправителя денотатов.

27 Отсюда – фундаментальное отличие научного дискурса от нарративного знания: первое определяется через диахроническую темпоральность, предполагая память и проект. Чтобы передать знание необходимо его аккумулировать в качестве истории картин мира, открытий и исследований вместе со всеми связанными с ними комментариями и полемикой. Денотативы, являющиеся на данный момент предметами консенсуса, преподаются как истины, но с отсылкой к возможности их пересмотра, востребованной в качестве аспекта производства нового высказывания. В этом плане, по Лиотару, в рамках того повествования, которое предлагается научным дискурсом главную роль играет не метр, а ударение, позволяющее дифференцировать высказывания и структурировать линейную (прошрое, настоящее и будущее) последовательность времени и таким образом очертить определяющий развитие науки «кумулятивный процесс».

28 Однако, по Лиотару, научный дискурс несет в себе внутреннюю нелегитимность. В

силу того, что он предполагает только один тип высказываний – денотативы, в отношении к которым другие высказывания (прескриптивные, деонтические, вопросительные и проч.), выполняют лишь прикладные или даже декоративные функции – он оказывается на институциональном уровне узкой прослойкой профессиональных ученых, чья взаимосвязь с обществом, государством или культурой остается внешней по отношению к деятельности, напрямую связанной с их компетенциями. Поэтому, с точки зрения Лиотара, в рамках широкой общегуманитарной перспективы, наука оказывается не в состоянии извлечь из своих высказываний никакой законности.

29 3. Перейдем к метанарративу об освобождении разума. Лиотар отсылает здесь к французскому варианту Просвещения, а также к работе Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784), где познание понимается не в качестве инструмента практической эмансипации субъекта.

30 Лиотар определяет последнюю с явной отсылкой к кантовской логике морального законодательства. В этом контексте ученый – это никто иной, как представитель гражданского общества¹⁴. Свобода позитивно определяется Кантом через моральный закон. Однако это позитивное определение свободы представляет собой ни что иное, как логический идеал. Поясним. Если мы можем постулировать определенный максимы воли, который могут быть утверждены в качестве всеобщих: т.е. если каждый индивид будет поступать в соответствии с этими максимами, то все они никогда не придут в противоречие друг с другом¹⁵. Этому гражданскому состоянию исторически соответствует, по Канту, так называемое Всеобщее Благо, а политически – Республика. В этом плане, Лиотар пытается сказать, что деятельность ученого – это деятельность гражданина, направленная на достижение этого идеала.

31 Итак, речь идет о том, что нарратив о свободе воле определяется через императивные или прескриптивные высказывания. Это означает, что дискурс знания, состоящий из денотативных высказываний, имеет здесь чисто подчиненную роль: не имеет никакой другой роли, кроме информирования «практического субъекта о действительности, в которую должно вписываться выполнение предписания»¹⁶. Эту логику отражают образовательные институции, которые складывались во Франции после революции. Два противоположных примера: упор на начальное образование в эпоху Третьей республики: школа должна подготовить возможный отпор духовникам и тиранам. Императорский университет, созданный Наполеоном и воспитывающий госслужащих.

32 Освободительный метанарратив выстраивается следующим образом. Во-первых, формулируется проект (идея, подлежащая реализации). Он формулируется на языке императивов: мы должны быть свободными, счастливыми, равными и т.д. Во-вторых, формулируется вопрос: что необходимо для этого сделать? На этот вопрос уже отвечает круг консультантов, специалистов, советников и т.д., образующий то, что Лиотар называет совещательной (*délibératif*) политикой. Это политика публичной сферы – салонов, литературных обществ, парламентских собраний, депутатских съездов и клубов – которая, по словам Лиотара, является «органиграммой идеи»¹⁷.

33 Описывая повествовательный аспект этого метанарратива, Лиотар ссылается на работу Канта «Идея истории во всемирно-гражданском плане» (1784), в которой Кант описывает модель прогрессивной философии истории, где каждый исторический период жизни человечества рассматривается как то, что все больше приближает желаемый республиканский идеал. Эта история не фактическая, но символическая: она представляет собой совокупность косвенных знаков этого желаемого гражданского состояния, отсылающего к самому разуму человека, в котором заложено внутреннее стремление к

последнему.

34 Делегитимация нарратива освобождения определяется, по Лиотару, невозможностью выведения денотативного высказывания из высказывания прескриптивного. Предположим даны два высказывания «Дверь закрыта» и «Откройте дверь». Тот факт, что дверь открыта, никак не предполагает того, что ее надо закрыть. Между этими двумя высказываниями нет никакой когерентности, кроме той, что может быть принесена туда субъектом в принудительном порядке. По Лиотару, это лишний раз указывает на справедливость Кантовского различия между сферой когнитивного познания и этики, составляющие две самостоятельные, несводимые друг к другу лингвистические вселенные.

35 3.1. Если рассказ об освобождении разума определяется политизацией знания, то спекулятивный метанарратив тем, что можно было бы назвать «гносеологизацией политики».

36 Лиотар описывает эпистемологический метанарратив в контексте реформы высшего образования Вильгельма фон Гумбольдта, связанной с основанием Берлинского университета в 1807-1809 годах. Лиотар ссылается на докладную записку Гумбольдта под названием «О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине» (1809-1810). Согласно этому документу, ключевая цель университетов – это «исследование науки самой по себе», которое не может подчиняться каким-либо внешним государственным, национальным или узкоутилитарным интересам и выражается в свободной научно-исследовательской деятельности и преподавании, направленным на формирование легитимного субъекта познания.

37 Может показаться, что эта концепция всецело аполитична, отражая исключительно логику формирования научного дискурса. Однако это не так. Принцип формирования познающего субъекта определяется совокупностью этико-социальных предписаний, а не накоплением и передачей денотативных высказываний: «...возделывать науку в самом широком и глубоком смысле этого слова и употреблять ее в качестве материала для духовного и нравственного образования — причем материала не специально для этого приготовленного, а предназначенного для этого по самой своей сути»¹⁸. Конфликт между познавательным и аксиологическим высказываниями, присутствующий, с точки зрения Лиотара, в гумбольдтовской концепции образования, решается в пользу последнего, но таким образом, что последний разворачивается не столько в качестве дискурса политического в собственном смысле слова (государственного или классового), сколько в качестве дискурса образования, Bildung-a, который является дискурсом философским по преимуществу, хоть Гумбольдт и выводит его из «интеллектуального характера немецкой нации».

38 Этот дискурс и есть гумбольдтовское Bildung, которое является процессом духовного развития, близкого тому, что Фихте называл «божественной жизнью», а Гегель «жизнью духа». Процесс образования осуществляется за счет триединого движения, определяемого стремлением: 1) выводить все из первоначала, 2) соотносить все с идеалом и 3) связывать первоначало и идеал посредством единой идеи¹⁹. Выводить все из первоначала, значит, исходить в познании из самих вещей (базовое требование современной науки). Соотносить с идеалом, значит, соотносить себя с высшими общественными и этическими нормативами. И, наконец, связывать первоначало и идеал в единую идею, означает выразить их соотнесенность в общем метафизическом единстве, рамках которого «исследование истинных причин в науке, не может не совпадать с достижением справедливых целей в нравственной и политической жизни»²⁰.

39 Этот дискурс образования является выжимкой из спекулятивного философского дискурса Фихте и прежде всего Гегеля, который выстраивается в качестве самореферентной (коннотативной) спирали. Так, по Гегелю, знание, данное посредством рассудочных

представлений (Кант), не является легитимным: таковым является только его познание в отношении к процессу саморазвертывания сознания или духа, взятого в качестве исторического целого. Все познавательные суждения принимаются «не по их непосредственной истинности, а по значению, которое они принимают в зависимости от места, занимаемого ими на пути Духа (...), или – если угодно – от определенного положения в Энциклопедии, раскрывающей спекулятивный дискурс». В этом плане, упорядоченное поступательное познание форм эмпирического знания и гуманитарного знания – твердых тел, растений, животных, человека, всемирной истории и философии, предлагаемое Гегелем в Энциклопедии философских наук, является в первую очередь средством формулировки, что есть всеобщий Спекулятивный Дух или Абсолютный Субъект как таковой. Это познание и оказывается, по Лиотару, спекулятивным метанарративом, на институциональном уровне практикуемым Берлинским университетом.

40 Лиотар признает, что различные цивилизационные изменения конца XIX и первой половины XX веков (технический прогресс, подъем капиталистического производства, информатизация и специализация) оказали серьезное влияние на упадок метанарративов. Однако ключевая причина этого упадка – это их внутренняя делегитимация. При этом ее источником являются не метанарративы, а сама наука, знание. Но как так получается? Лиотар дает емкий ответ: «знание заслуживает своего имени, только если оно удваивается (“снимается”, *hebt sich auf*) цитированием его же собственных высказываний в границах дискурса второго порядка (автономия), который их легитимирует»²¹. Получается, что позитивное знание об объекте – о животном, человеке, минерале, энергии и т.д. – не содержит в себе понимания того, что полагает для себя известными. Оно не владеет собственным *смыслом*. Проще говоря, это знание – суть незнание. Вот почему оно оказывается вынужденными прибегать к метанарративу, который переучреждает его в качестве спекулятивного дискурса и тем самым делает наукой с большой буквы – свободным, автономным и объективным познанием. Поэтому метанарратив – это лишь попытка преодолеть эндогенный нигилизм науки, но не его причина²². И эта попытка оказывается для него роковой, поскольку она не только не купирует, но и ускоряет процесс делегитимации, ибо он сам основывается на существовании Абсолютного духа как на первоначальном допущении, которую мы можем лишь принять, но не обосновать. «Здесь мы имеем дело с процессом делегитимации, движущей силой которого выступает требование легитимации» – пишет Лиотар.

41 Внешним следствием этой делегитимации оказывается распад спекулятивной иерархии наук. Он, с одной стороны, связан с активной точечной разработкой (начиная со второй половины XIX века) отдельных дисциплин и областей знания, которые уже попросту не могли быть встроены в спекулятивный метанарратив (а если и могли, то лишь ценой тотальной профанации) и, с другой стороны, со снижением влияния либеральной элиты, транслировавшей этот метанарратив. В результате исследовательские группы утратили свое единство, а университетское образование было подчинено цели подготовки преподавателей, которые уже не готовили ученых, а скорее социализировали студентов, а сам университет в большей степени стал продолжением школьного образования.

42 III

43 Для Лиотара упадок метанарративов вовсе не означает окончательную делегитимацию европейской науки. Он означает поиск новых возможностей ее легитимации. Сам Лиотар предлагает постмодернистский вариант последней. Он определяется антиуниверсалистской легитимацией через *паралогию*, отсылающей к общей для французской философии XX века онтологии различия (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Р. Барт и др.).

44 Лиотар утверждает эту легитимацию знания в полемике с двумя основными стратегиями легитимации знания, призванными заместить собой утраченные доверие метанарративы: это 1) коммуникативного консенсуса Юргена Хабермаса и 2) легитимации через результативность, связанная с теориями социальных систем (Т. Парсонс и Н. Луман) и государством Кейнса.

45 Тезис Хабермаса: модерн – незавершенный проект. Этот тезис означает, что несмотря на поражения, которые потерпел проект Просвещения в XX веке, он в своих конститутивных чертах может быть перезапущен. Хабермас связывает перезапуск проекта модерна с понятием рационального консенсуса. Это означает, что образ универсального социального целого, восходящий к рассказу об освобождении и классической философии (французские просветители, Кант, Гегель), может, по словам Хабермаса, быть достигнут ненасильственным путем – посредством коммуникативного дискурса, в условиях которого соглашение достигается путем приведения доводов и аргументов. Выдвижение которых подчиняется нормам, взаимно признаваемыми партнерами по дискуссии.

46 Лиотар противопоставляет хабермасовскому понятию консенсуса, понятие диссенсуса, в соответствии с которым возможно лишь перманентное противостояние разнообразных высказываний, неразрешимое через какое бы то ни было единство. Однако речь здесь отнюдь не идет о каком-то тотальном релятивизме. Так, Ф. Джеймисон показал, что лиотаровская этика *différence* восходит к тому же нарративу об освобождении, на который опирается Хабермас, но переработанному в духе постструктуралистской философии. Лиотар, атакуя изначально присущий этому нарративу и подхваченный Хабермасом универсализм, тем не менее сохраняет сам лежащий в его основе *императив* освобождения²³. Процесс непрерывного расщепления идей, образов, концепций, идеологией на все более и более мелкие частицы, «анималькулы» (Ж. Делез), исходит от призыва «Различать!», которое звучит здесь не менее отчетливо, чем призыв «Объединять!»²⁴.

47 Как Хабермас, так и Лиотар, в своих подходах к осмыслению проекта Просвещения отталкиваются от философии языка Л. Витгенштейна, но интерпретируют ее совершенно по-разному. Главный тезис Витгенштейна звучит так: нет единого языка, а есть лишь неопределимое множество языковых игр²⁵. Языковая игра, по Витгенштейну, подобно любой другой игре (в футбол или в шахматы), представляет собой минимальную единицу организованного лингвистического взаимодействия (коммуникации). В своей интерпретации Витгенштейна, Хабермас исходит из того, что правила, которым подчиняются отдельные языковые игры могут быть приняты игроками в силу того, что они знают то, какими эти правила должны быть *вообще*, чтобы им можно было починяться. С точки зрения Хабермаса, в основе правил всех языковых игр лежат общие принципы коммуникации – инварианты всех возможных языковых игр.

48 Лиотар является более последовательным витгенштейнианцем, настаивая на несводимости языковых игр друг к другу. Лиотар делает акцент на том, что языковая игра – это именно игра в буквальном смысле этого слова. Участники языковой игры стараются обыграть друг друга, иногда следуя установленным правилам, а иногда предлагая их переосмыслить. Каждый из них пытается провести более убедительный аргумент или более удачный риторический прием. И этот соревновательный момент языковых игр является самоценным. По Лиотару, языковая игра – это ни что иное как трюкачество, позволяющее переиграть своего партнера по игре, и для которой или консенсус – это то, что должно быть подорвано.

49 Теперь, что касается легитимации через результативность. Эта стратегия возникает во второй половине XX-ого века, является ответом на Холодную войну и средством

обоснования так называемого кейнсианского государства всеобщего благосостояния. Послевоенная советская система после войны требует от своих специалистов, чтобы они способствовали ее наиболее успешному противостоянию американской стороне. Европейское Welfare State требует от своих специалистов – администраторов, ученых, экспертов – чтобы они способствовали его обогащению и наиболее эффективному распределению ресурсов, исходя из внутренних и внешних вызовов. По Лиотару, эта легитимация через результативность связана с детерминистской гипотезой. Мы можем рассчитывать на результативность того или иного высказывания, если предполагаем, что система, в рамках которой оно совершается, стабильна и предсказуема. Мы можем добиться максимальной результативности только в том случае, если последствия действия или высказывания, которые мы собираемся осуществить могут быть заранее просчитаны или, как говорит Лиотар, опираясь на теорию систем, что мы можем опираться на соразмерность входа и выхода (input/output). Таким образом, система оказывается аналогом ньютоновского неподвижного пространства, которое только и может быть, по Лиотару, быть необходимым проводником результативности.

50 Одним из аспектов отстаиваемой Лиотаром паралогической легитимации является легитимация через перформативность. Перформативность оказывается «метапрескрипцией», суть которой состоит в том, чтобы обеспечивать возможность производить «новые идеи». В отличие от результативности, перформативность соответствует идеалу открытой, а не замкнутой системы, создающей условия порождения новых высказываний и правил игры. В этом плане перформативность подрывает легитимацию через результативность, поскольку она дестабилизирует интеракции системы. Вот вопросы, обсуждаемые Лиотаром: «Например, возможна ли в университете игра в эксперименты с языком (поэтика)? Можно ли рассказывать анекдоты совету министров? Дискутировать в казарме? Ответы очевидны: да, если совет работает с футурологическими сценариями: да, если старший по чину согласен обсуждать вопросы с солдатами. Говоря другими словами: да, если границы старой институции передвинуты»²⁶. В самом деле, только подобного рода скандальные социальные интервенции способны, по Лиотару, действительно привести к обновлению коммуникативных стратегий и породить новые общественные связи и таким образом привести к обновлению знания.

51 Новое для Лиотара выступает как самоценный творческий эксперимент, не оглядывающийся на запросы инструментального разума. По Лиотару образцовой формой для новых научных идей является малый нарратив. В этом плане, он следует замечанию английского биолога П. Медавара, согласно которому «иметь идеи – это высшее достижение для ученого»²⁷. А идеи оформляются в истории, которые должны потом подтверждаться. Микронарратив Лиотар есть подобного рода история, выражающая уникальную, неуниверсализуемую идею, существующую среди других идей. По замечанию Джеймисона, Лиотар пытается рассмотреть и обосновать науку в эстетической оптике высокого модерна – ученый оказывается тем, кто на свой страх и риск пытается сформулировать свой уникальный опыт.

52 Как уже сказали, Лиотар не смог всецело уйти от универсалистской политики метанарративов. Он переопределил микронарративы через политику глобальной эмансипации. Лиотар все время возвращается к теме солярной катастрофы. Он ссылается на астрофизическую гипотезу, согласно которой через 5 миллиардов лет солнце погаснет, а земля станет непригодной для жизни²⁸. Таким образом, Лиотар поднимает неожиданно несвоевременный вопрос о грядущем космологическом «исходе», к которому должна отсылать постмодернистская легитимация знания.

53 Языческая битва микронарративов за новое, есть, по Лиотару, битва за полезные изобретения в деле обеспечения этой поистине великой и единственно важной эмансипации.

Причем для Лиотара этот нарратив об эмансипации не является модернистским, так как не предполагает какой-то завершенный проект, а лишь движение, направленное исключительно вовне, к неизвестному другому. Причем, по Лиотару, это движение является имманентным самой жизни, что, с его точки зрения, доказывается всей эволюцией жизни на земле²⁹. По Лиотару, положительная динамика жизни состоит в усложнении, выработке все более утонченных форм существования. А усложнение имманентно эмансипации: становясь более сложной жизнь, стремится отделить себя от более простых форм (растения о почвы, животные от растений и т.д.). И в этом плане, следующим шагом человечества будет освобождения от пут земли, что может, по Лиотару, привести к изменению человека как вида. В гностическом ключе Лиотар говорит о борьбе двух начал – тенденции к упрощению (возврат к первоначальному состоянию), выражающей положительную энтропию, ведущую к распаду материи, и тенденции к усложнению, которая, наоборот, направлена на образование новых энергетических соединений. Лиотар столь радикально выступает против метанарративов именно потому, что они, с его точки зрения, выражают тенденцию к упрощению, пытаются редуцировать дифференцированную реальность к простым одномерным формам. Но тут необходимо четко понимать, что эта космологическая эмансипации и классический нарратив об освобождении выражает одну и концептуальную траекторию. А это означает, что Лиотар не только не преодолел, но скорее подвел новое, теперь уже не политическое, а онтологическое основание для исходного проекта Просвещения.

Remarks:

1. Kreiswirth M. Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*. 1992. Vol. 23 (3). P. 629-657
2. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 10.
3. Джеймисон Ф. Марксизм и культура. Москва-Екатеринбург, 2014. С. 273.
4. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 27-28.
5. Лиотар Ж.Ф. Постмодерн в изложении для детей. М., 2008. С. 62,63.
6. Readings B. *Introducing Lyotard*. London and New York: Routledge. 2006. P. 49.
7. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 52.
8. Там же. С. 56.
9. Лиотар Ж.Ф. Постмодерн в изложении для детей. М., 2008. С. 66.
10. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 59.
11. Там же. С. 63.
12. Там же. С. 64.
13. Там же. С. 67.
14. Там же. С. 88.
15. Кант И. Критика практического разума. СПб., 2007. С. 88.
16. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 88.
17. Лиотар Ж.Ф. Постмодерн в изложении для детей. М., 2008. С.73.
18. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // *Университетское управление*. № 3. 1998. С.2.
19. Там же. С. 4.
20. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 83.

21. Там же. С. 93.

22. Лиотар всячески подчеркивает разочарование позднего немецкого идеализма в науке. Однако, по Лиотару, в момент перехода к романтизму оказалось, что наука совершенно не состоятельна в плане легитимации и может служить чему угодно – сословиям, власти, государству и тем самым деградировать. Собственно, само создание берлинского университета заключало в себе протест против наполеоновского университета. Отсюда и спекулятивный дискурс, призванный отыскать подлинную форму легитимацию науки, которая, однако завязана на субъекте, а не на вещи.

23. Джеймисон Ф. Марксизм и культура. Москва-Екатеринбург, 2014. С.273.

24. Lyotard J-F. Le Differend. Paris : Les édition de Minuit. P. 214-221.

25. Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2011. С.16.

26. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 2014. С. 50.

27. Там же. С. 144.

28. Lyotard J-F. The inhuman. Cambridge: Polity Press. 1991. P. 9.

29. Lyotard J-F. Postmodern fables. Minneapolis: University Of Minnesota Press. 2003. P. 84.

References:

1. Derrida J. Jean-Francois Lyotard (1924-1998). All out Friendship Lyotard and Us // Derrida J. The Work of Mourning. Chicago-London: The University of Chicago Press, 2001. Pp. 211-243.

2. Kreiswirth M. Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences // New Literary History. 1992. Vol. 23. (3). Pp. 629-657.

3. Lyotard J-F. Le Differend. Paris: Les edition de Minuit. 1983.

4. Medawar P. The Art of the soluble. Ringwood: Penguin books. 1969.

5. Readings B. Introducing Lyotard. London and New York: Routledge. 2006.

6. Anderson P. Istoki postmoderna. M. Territoriya buduschego, 202 p.

7. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya. M. AST, 2011. 366 p.

8. Gumbol'dt V. O vnutrennej i vneshnej organizatsii vysshikh nauchnykh uchrezhdenij v Berline // Universitetskoe upravlenie, № 3. 1998. 28 p.

9. Dzhejmison F. Marksizm i kul'tura. Moskva-Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2014. Pp. 270-287.

10. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. SPb. Nauka, 528 p.

11. Laku-Labart F. Perevod i istoriya // Logos, 2011. № 84. Pp. 134-147.

12. Liotar Zh.F. Postmodern v izlozhenii dlya detej. M. RGGU, 2008.

13. Liotar Zh.F. Sostoyanie postmoderna. SPb. Aleteya, 2014.

14. Mazin V. Zhan-Fransua Liotar. Postsovremennost', s nezapamyatnykh vremen // SPb: Kabinet «Z», 2004. Pp. 100-170.

15. Riker P. Model' teksta: osmyslennoe dejstvie kak tekst // Sotsiologicheskoe obozrenie, 2008. T.7. № 1. Pp. 25-43.

16. Rubtsov A.V. Arkhitektonika postmoderna: kontinuum // Voprosy filosofii, 2016. № 6. Pp. 66-77.

Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна

Подорога Б. В.

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гонимарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

Цель настоящей статьи – реконструкция понятия «метанарратива» в рамках философско-исторической и социально-политической мысли Жана-Франсуа Лиотара. В первой части определяется контекст исследования и его метод. Указывается актуальное значение, общая научная семантика, лексика, ключевые аспекты «нарративного поворота» в гуманитарной культуре последней трети двадцатого века. Раскрывается генезис понятия метанарратива в критической перспективе постмодерна, в рамках которой оно перестает рассматриваться в качестве выражения объективного развития цивилизации и предстает как дискурс господства, обладающий формой героического эпоса. Вторая часть статьи посвящена разбору кейсов делегитимации метанарративов, развертывающейся в упомянутой критической перспективе. Автор объясняет, что функция легитимации знания, являющаяся для метанарратива центральной, оказывается несостоятельной в силу присущей ему унифицирующей лингвистической прагматики. Это последовательно иллюстрируется на примерах архаического нарратива, классического научного дискурса и двух основных для европейского ratio метанарративов – нарратива об освобождении французской революции и спекулятивно-диалектического нарратива немецкой классической философии. В третьей части описывается постмодернистская легитимация знания, противопоставляемая Лиотаром двум альтернативным ответам гуманитаристики второй половины XX века на упадок метанарративов – концепции легитимации через результативность и теории коммуникативного консенсуса Ю. Хабермаса. Автор показывает, что постмодернистская легитимация знания, выражающаяся в поиске паралогий, перформативности и политике малых нарративов, является нарративом об освобождении, переработанным в духе французской онтологии различия.

Ключевые слова: метанарратив, легитимация, делегитимация, знание, прагматика, постмодерн, освобождение, перформативность

Дата публикации: 08.11.2018

Ссылка для цитирования:

Подорога Б. В. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000056-3-1/> (дата обращения: 15.07.2020). DOI: 10.18254/S0000056-3-1

